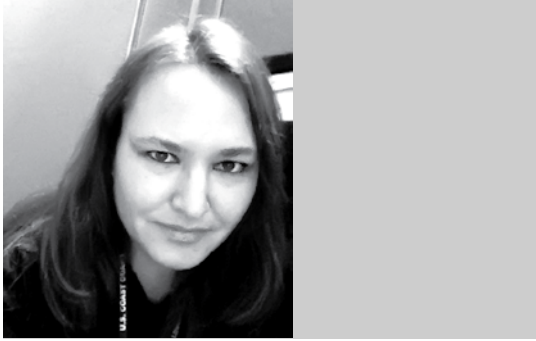

Ирина Кадикова

Кадикова Ирина Марсовна родилась в 1973 г. в Иркутской области. В раннем детстве переехала в Челябинск. Публиковалась в журналах «Несовременные записки», «Уральская новь», «Урал», «Золотой век», автор двух стихотворных сборников: «21 стихотворение» (Челябинск: Фонд «Галерея», 1996, 300 экз.) и «Урсунка» (Челябинск: Фонд «Галерея», 1998, 300 экз.). Участница АСУП-2. В 1999 г. эмигрировала в США.

Филологическая маркировка стихов И.К.

Традиции, направления, течения: модернизм, экзистенциализм, постмодернизм, постконцептуализм, соц-арт.

Основные имена влияния, переклички: М. Цветаева, В. Павлова, Т. Кибиров, В. Кальпиди.

Основные формальные приемы, используемые автором: авторефлексия, прямое лирическое высказывание, экспрессивность, метафоризм, интertextуальность.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: отношения «я» и «ты», любовь, одиночество, время, предметы, вещи, быт, поэзия.

Творческая стратегия: осознание и переживание феминности.

Коэффициент присутствия: 0,39

АВТОБИОГРАФИЯ

1

В детстве я мечтала быть Василисой Прекрасной и жить в высокой башне, охраняемой драконом. И еще я надеялась, что этот дракон сожрет Иванушку, который придет меня спасать, потому что на самом деле Иванушка как личность меня никогда не привлекал.

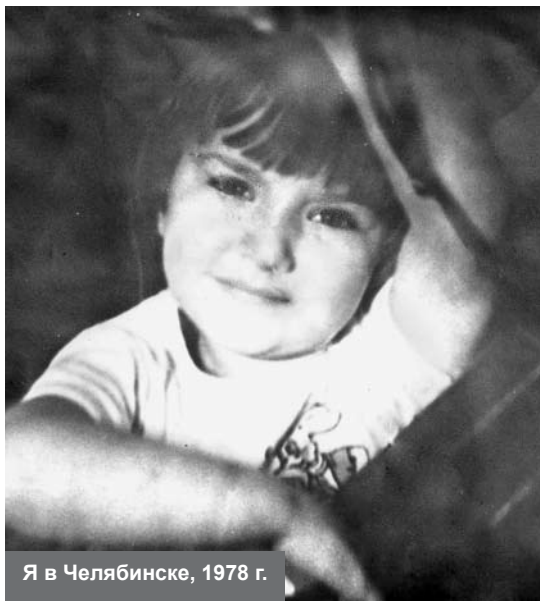
Перед окончанием школы мои взгляды значительно изменились. Я хотела быть либо парикмахером, либо водителем лесовоза. Я не помню, почему я хотела стать парикмахером, но помню, почему хотела стать водителем: едешь себе ночью в одиночестве, слушаешь радио и ни с кем не

нужно разговаривать. Но в свободное от работы время я хотела быть Великим Писателем. Сейчас уже трудно объяснить, почему я считала наличие своего имени в учебнике литературы за седьмой класс совершенно необходимым условием становления Великим Писателем. Но я точно помню, что я хотела, чтобы потомки знали обо мне как о «первостепенном» писателе, каким был, допустим, Лев Толстой, а не как о «второстепенном», каким был, например, Пришвин. Сейчас подумала, что я до сих пор не прочитала «Войну и мир» целиком...

Причина родиться у меня была. Моим родителям как раз не хватало второго ребенка, чтобы получить трешку на северо-западе Челябинска. Мама быстренько подсутилась, и через девять месяцев появилась я. Могу с точностью сказать, что весь процесс от моего зачатия до моего рождения прошел как-то незаметно, не привлекая особого внимания, у меня даже не было имени до того момента, когда стало ясно, что имя мне уже необходимо. Меня назвали Ириной, потому что медицинская сестра, принимавшая роды, маме очень понравилась, и звали ее Ириной. Я мало что помню про мою жизнь на северо-западе, кроме того, что бабушка по совершенно непонятной мне причине всегда усаживала меня на горшок в коридоре именно тогда, когда к моему старшему

Моя бабушка, Лебедева Анфиса Сергеевна, Иваново, 1931 г.

Я в Челябинске, 1978 г.

брату приходили друзья. И каждый раз мне приходилось прерывать процесс и убегать в комнату, плотно прижав горшок к заднице обеими руками. Может быть, из-за этого я начала сбегать из дома? О том, что меня много раз искали с милицией, – я знаю только по рассказам, но помню, как я сидела на стуле напротив отца и повторяла:

– Меня зовут Ирина Борисовна Аристов. Мой папа – Борис Михайлович Аристов. Мой адрес... Когда мне исполнилось четыре года, мои родители развелись.

2

Я иногда думаю, какой бы могла быть моя жизнь, если бы я, например, родилась в семье московского писателя или художника. Или на худой конец – академика. Если бы причина моего рождения была не в шести квадратных метрах жилой площади, а в чем-то еще. Если бы местом моего рождения был не Челябинск, а столица. Но я родилась в Челябинске. Когда я переехала в Америку, любопытные американцы часто спрашивали меня – в основном из-за моего акцента – откуда я родом. Упомянув Челябинск, мне приходилось объяснять, что это индустриальный город, где делают трактора. Чтобы вызвать к этому факту хоть какое-то внимание, мне впоследствии пришлось изменить свою историю, расширив ее и украсив такими фактами, например, что вокруг города возведена высокая стена, как в Китае, потому что именно в Челябинске расположены секретные институты, где производят генетические опыты над людьми, и что туристов туда не пускают. Но правда в том, что хотя я и родилась в Челябинске, я никогда не жила там достаточно долго для того, чтобы привыкнуть или завести друзей. Короче – город и я были совершенно безынтересны друг

другу. Большая часть моего детства прошла на Севере, а потом в Сибири, куда мы переезжали с мамой вслед за моим отчимом.

Возвращаясь к идее об альтернативных родителях, которые бы одевали меня в розовые платья и водили в зоопарк по воскресеньям, или там в Третьяковку, я понимаю, что, возможно, моя жизнь была бы слишком обыкновенной, как у «нормальных людей», и сейчас я бы не нашлась о чем писать, кроме как о поцелуях на ночь и щенках на день рождения. Я бы никогда не жила в Печоре, где на протяжении трех лет моим домом был вагончик на краю света, где зима начинается сразу после того, как она заканчивается. С другой стороны, мне здорово повезло, потому что я уверена, что никто из моих друзей не носил воду из пожарки, чтобы наполнить питьевой водой бак, умывальник и титан. Я уверена, что многие даже не знают, что такое ТИТАН. Если бы я родилась в Москве у нормальных родителей, я бы никогда с точностью не смогла сказать, что ужаснее отсутствия водопровода может быть только отсутствие туалета. После Печоры мне всегда было странно, почему мама ставит мне в пример Зою Космодемьянскую, не учитывая того, что три года подряд я сидела со спущенными штанами на пятидесятиградусном морозе... Но хуже туалета на улице и отсутствия водопровода было рождение моего младшего брата. Мама верила в то, что дети укрепляют семью. Я могу на своем опыте сказать, что это ошибочное убеждение. С того дня, когда в вагончик принесли моего брата, мой отчим, до того тихий и незаметный, превратился в монстра. Все началось с того, что после окончания второго класса я получила в подарок часы. Бабушка нашла их на улице, отремонтировала и прислала мне. Мне удалось их поносить только два дня, потому что утром в субботу мой отчим заметил часы и велел мне их снять. Когда я спросила, почему (я в то утро подметала ковер в спальне родителей, пока отчим лежал на кровати в ожидании завтрака), то услышала примерно следующее:

– Ты еще вопросы будешь задавать, сопля? Я свои первые часы купил, когда мне было двадцать пять лет! Ты еще ни дня в своей жизни не работала. Я в твои годы колхозом управлял!

Я зачем-то усомнилась в том, что мой отчим управлял колхозом в восемь лет.

– В восемь лет? – спросила я.

Он медленно поднялся с кровати и навис надо мной всей высотой своего метра и восьмидесяти двух сантиметров.

– Ты такая же шлюха, как твоя мать! Я ее с улицы подобрал без трусов. Я вас быстро в Челябинск отправлю пешком, на товарняке.

На протяжении последующих десяти лет терминология варьировалась не сильно. Терминология в большинстве своем оставалась прежней, иногда

шлюха заменялась проституткой, но товарняк всегда оставался товарняком, и всегда присутствовало упоминание о трусах, вернее их отсутствии. Надо сказать, что факт «беструсия» моей мамы выделялся особенно как наиболее важный. Монологи продолжались в среднем от пяти минут (в трезвом состоянии) до двух часов (в пьяном). Причем обвиняемые (в основном я) должны были стоять посреди комнаты по стойке «смирно». Знакомые, которые жили с нами в Сибири и с которыми я теперь в контакте на «Одноклассниках», часто спрашивают меня, как поживают мои родители. Мои альтернативные родители живут в Москве, мы часто друг другу звоним и шлем открытки с днем рождения и Новым годом. Касательно моих реальных родителей – мне трудно сказать. Я только знаю, что они живут в Челябинске.

3

Меня все-таки отправили на год в Челябинск к бабушке после окончания третьего класса, правда, в нормальном плацкартном вагоне. Бабушка жила в полutorке на ЧТЗ (район Челябинска), где также жил мой старший брат Сергей, мой дед и две курицы, которых бабушка купила мне на день рождения, а позднее сварила, сказав мне, что они улетели с голубями.

Вообще, многие думают, что жить в полutorке вчетвером (да еще с курами) могут только китайцы, но на самом деле русские тоже могут так жить. Мы жили. Мой дед всегда либо спал, либо отсутствовал. Он просыпался после обеда, когда я приходила из школы, и орал так, чтобы было слышно на кухне:

– Бабушка, кушать!

Бабушка приносила ему куриный суп и салат из помидоров. Мы обедали. Потом дедушка, в одних семейных трусах, шел в ванную бриться, а бабушка кричала ему в спину:

– Хоть бы внучки постыдился! Надень штаны, старый хрыч!

Дедушка возвращался из ванной и наряжался в коричневый пиджак с орденами. Зимой он так же надевал пальто и серую каракулевую шапку, которая осталась у него с той поры, когда он служил в охране на ЧТЗ (в данном случае – тракторного завода). Он шел в парк Победы «играть в домино», причем бабушка обычно орала ему вслед:

– Опять водку жрать пошел! Чтобы ты подох, сил моих нет!

Приходил дед поздно вечером, шатаясь, и сразу ложился спать. Бабушка стягивала с него ботинки, брюки и пиджак, укрывала его одеялом, приговаривая:

– Опять нажрался, скотина!

Я только однажды слышала возражающий голос деда, когда бабушка пилила его за пропитую целик зарплату. Он сказал:

Мой отчим, Кадиков Марс Гадиевич, мама, Лариса Викторовна, и брат Юра, 1986 г.

– Хватит ругаться, бабушка.

Бабушка засыпала рано. Она ложилась на раскладном диване, не снимая платья и платка, укрывшись одеялом. Я ложилась рядом с ней и присила:

– Бабушка, расскажи мне сказку.

Бабушка долго молчала, потом говорила:

– Давным-давно, в некотором царстве, некотором государстве жила-была...

Я терпеливо ждала продолжения, потом не выдерживала:

– Царевна лягушка?

– Ну вот, ты сама все знаешь, – говорила бабушка. – Спи.

Но я не могла заснуть. Я ждала, когда заснет бабушка, потом вставала с дивана и шла в коридор, где на комод стояло радио, – слушать ночной радиоспектакль.

4

Еще я хочу рассказать про то, как родители решили отправить меня в интернат. Вернее, о моей жизни в интернате, где я провела в общей сложности два года и ненавидела каждую минуту пребывания там, даже больше, чем монологи моего отчима. Я уверена, что мало кому понравилось бы жить в одной комнате с восемью старшеклассницами, которые определенно не страдали комплексами, которыми страдала я. Честно говоря, я мало кого помню из палаты (именно – так!), где я жила первый месяц. За год я поменяла, по крайней мере, пять комнат. Две фигуры встают в памяти: девушка по имени Маша, которая была достаточно добра, чтобы согласиться выщипать

гний у меня из волос, которые я неизвестно где подобрала. И Анна, девушка с русыми волосами, которая по ночам занималась сексом со старшеклассником из соседней палаты.

В интернате не было душа, и в воскресенье нас водили в сельскую баню. Раздеваться перед девочками, с которыми я жила, было еще невозможнее, чем жить с ними. Я не помню, кто мне поведал секрет, что воспитатели не гонят в баню тех, у кого «министрация», и с тех пор у меня была «министрация» каждое воскресенье. Воспитатели на самом деле проверяли, врет кто из девчонок по поводу менструаций или нет, и поэтому каждый выходной мне приходилось запихивать в трусы клочок плаката «Слава КПСС», который мы поделили между палатами.

5

Хочу сообщить, что у меня никогда не было лучшей подруги или лучшего друга. А мне их хотелось до такой степени, что в пятом классе я пыталась завести воображаемого друга. Я даже придумала ему имя, но он никогда не сказал мне ни слова. Видимо, даже воображаемые друзья не считали меня достойной их дружбы.

Признаться честно, у меня не только не было лучшей подруги, но на протяжении школьных лет мои одноклассницы ненавидели меня, объявляли мне бойкоты и устраивали против меня заговоры. Именно поэтому я провела значительную часть времени... в библиотеках. Впрочем, не буду врать. На самом деле я проводила время на карьерах в компании шпаны в поисках использованных баллончиков из-под дихлофоса и лака. Нет, мы их не нюхали. Мы жили так далеко от цивилизации, что даже не знали, что дихлофос можно нюхать. Мы взрывали баллончики на костре, который разжигали тут же в карьере.

Мама всегда говорила, что друзей нужно выбирать осторожно, из-за той поговорки, где «скажи мне, кто твой друг...», ну и так далее. Но я считала, что ко мне это не относилось, потому что трудно делать выбор, когда его в общем-то нет. Именно потому, когда Таня Каменская узнала о том, что я пишу свою биографию, она посоветовала мне написать о ней. Таня, эти строки посвящены тебе. Ты думаешь, что я не знаю, что у тебя не все дома? Я это знала еще до того, когда пригласила тебя к себе на чай в далеком 1998-м. Мне рассказывали, как в детстве (твоим) директор прогонял тебя с крыши школы, где ты решила покататься на велосипеде. Я убедилась в том, что у тебя не все дома, когда после чая я пошла провожать тебя до автобуса, и мы застряли у здания железнодорожного вокзала, у костра, где дворник сжигал мусор, и ты целый час трепалась об астральном раздвоении и о том, что в своей первой жизни ты была

Таис Афинской, а я – страшно сказать, кем. Ты помнишь, что мы никогда не могли найти общий язык, потому что ты всегда настаивала на том, что мир, в котором живешь ты, правильнее моего. И еще я совсем не любила Челябинск, а ты всегда говорила, что человек должен жить там, где родился. Спасибо, что ты вот уже 13 лет выходишь на скайп, чтобы обзвать меня нерусской и напомнить мне о чувстве моего (как там его?) – достоинства, и я обещаю, что однажды я научусь покидать свое физическое тело, и мы будем вместе, взявшись за руки, висеть над нашей планетой, как самые настоящие астронавты.

6

Кстати, причина создания данной биографии состоит в том, что когда-то я была поэтом. Наверное, нужно упомянуть, как это случилось. Впервые, мне было намного сложнее стать поэтом, чем многим поэтам, включая Пушкина, например. У меня не было няни, которая повлияла на мое духовное и интеллектуальное развитие. Более того, в библиотеке моих родителей были только две художественные книги – сборник фантастики Рэя Бредбери и солидного вида том Александра Степанова «Порт-Артур». Книгу Рэя Бредбери мне трогать не разрешали, так как она была «для красоты». Честно признаться, я ее все-таки украла как раз перед тем, когда меня совсем выпнули из дома.

В моей личной библиотеке был только сборник Есенина, который достался мне от одного из заключенных перед его освобождением. Не помню, говорила ли я, что в Сибири я жила в колонии-поселении, где работал отчим.

В свое оправдание скажу, что я пыталась найти литературу в тюремной библиотеке, но, кроме «Уарды» Георга Эберса и «Вечного зова» Анатолия Иванова, там ничего не было. После того, как я осилила «Вечный зов», я около шести месяцев читала «Уарду» – заканчивала и начинала снова. В конце концов история, которая первый и второй раз казалась интересной, постепенно утратила свою привлекательность, а потом и смысл. Я никогда бы не стала писать, если бы у меня были книги для чтения. Но устав от «Уарды» и Есенина, я начала «издавать» свои собственные книги, чтобы потом читать их перед сном. Причем рассказы (где меня обычно спасали инопланетяне – от людей) и стихи, сильно напоминавшие Есенина, я писала в тех же тетрадах, куда обычно записывала гадости про моего отчима. Однажды он нашел одну из таких тетрадей, спрятанную в коридоре под высоким порогом. Я застала его, когда он матерился, тонал ногами и рвал тетрадь в клочки. Слава богу, тетради тогда стоили всего 12 копеек. Такие дела.

7

Пользуясь случаем, я бы хотела сказать, что, кроме обычных людей, были и те (в Челябинске и за его пределами), кто не позволил мне умереть от голода и одиночества. Я благодарна иркутской поэтессе Инне Молчановой, которая меня теперь, кстати, ненавидит, но когда-то была для меня самым близким человеком. Я не забуду, как однажды в Иркутске, на сессии, мы потратили все деньги на десять пар китайских сапог, а потом не могли их продать и нам пришлось жить у подруги и спать на полу – в той же комнате, где она проводила сеансы экстрасенсорики и куда, по ее словам, приходила ее мертвая бабушка. Я благодарна своему старшему брату Сергею Колебину, с которым я не разговаривала уже десять лет, но которого я по-прежнему люблю. Я хочу сказать спасибо Виталию Кальпиди за то, что он ни разу не взглянул на меня с презрением, зная наверняка, что я никогда ни до нашей встречи, ни после не читала Гомера. Я уверена, что если бы я была Кальпиди, я бы не стала тратить время на воспитание подрастающего и уже выросшего поколения, в котором слишком много самомнения и практически отсутствует все остальное. Но тогда я бы перестала быть Кальпиди и стала Болдыревым, а зачем Челябинску два Болдырева? И наконец я хочу сказать спасибо Советской власти, выдававшей шесть квадратных метров жилплощади на человека. Если бы не она – я бы никогда не родилась. И я совершенно не хочу благодарить инопланетян, которые так и не прилетели, чтобы забрать меня домой.